

Научная статья. Исторические науки

УДК 94:327(597:47+57)

DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-308-333

ПАДЕНИЕ В ПРОПАСТЬ: БЕЗУСПЕШНЫЕ ПОПЫТКИ РУКОВОДСТВА ПТВ И КПСС ПРЕОДОЛЕТЬ КРИЗИС ВО ВЗАИМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Дмитрий Валентинович МОСЯКОВ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Аннотация: В статье рассматривается период начала 60-х годов в советско-вьетнамских отношениях, когда несмотря на отдельные попытки понять друг друга, отношениях двух партий и стран продолжали ухудшаться. В основе этого негативного процесса лежала фундаментальная причина – Н.С. Хрущев рассматривал Вьетнам и его проблемы как элемент глобальной архитектуры в своей политике, а вьетнамское руководство видела в борьбе за объединение страны ключевую свою задачу и с этой точки зрения проводила курс практически на 180 градусов иной по сравнению с пожеланиями Кремля. Этот разлом взглядов вызывал и отказ Ханоя от регулярных встреч с советским послом, отказ от советских советников и специалистов, а с другой стороны сокращение военной и иной помощи вьетнамским друзьям со стороны СССР. При этом следует признать, что сомнения Н.С. Хрущева, а точнее его несогласие и скепсис относительно успешности планов ПТВ на вооруженное восстание и его опасения, что расширение масштаба боевых действий на Юге вызовет неизбежное и активное американское вмешательство, имели под собой реальные основания. Американцы в это время стремительно наращивали свое военное присутствие на Юге Вьетнама, заявляли о своей решимости всеми силами его защищать. В статье отмечается, что в то время вьетнамское руководство полагало, что шансы на то, что американцы решат вторгнуться в их страну оставались минимальными. Они сильно ошибались, но эта ошибка вела к тому, что многие высокопоставленные деятели в верхушке ПТВ склонялись, чтобы вообще отказаться от советской помощи и полностью остаться на стороне Китая в его противостоянии СССР. Все это только усугубляло ситуацию кризиса во взаимных отношениях.

Ключевые слова: США, Китай, СССР, вмешательство, мирное сосуществование, сайгонский режим, идеологический раскол

Для цитирования: Мосяков Д.В. Падение в пропасть: безуспешные попытки руководства ПТВ и КПСС преодолеть кризис во взаимных отношениях // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2026, Том 1, № 1 (70). С. 308–333. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-308-333

Original article. Historical science

A MOVE INTO THE ABYSS: UNSUCCESSFUL ATTEMPTS BY THE LEADERSHIP OF THE VWP AND THE CPSU TO UNDERSTAND EACH OTHER'S ACTIONS AND OVERCOME THE CRISIS IN THEIR MUTUAL RELATIONS

Dmitry V. MOSYAKOV ¹

¹ Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow,
d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Abstract: The article examines the period of the early 1960s in Soviet-Vietnamese relations, when, despite some attempts to understand each other, the relations between the two parties and countries continued to deteriorate. This negative process was based on a fundamental reason: Nikita Khrushchev viewed Vietnam and its problems as an element of the global architecture in his policy, while the Vietnamese leadership saw the struggle for the unification of the country as a key objective and pursued a policy that was almost 180 degrees different from the Kremlin's wishes. This divergence of views led to Hanoi's refusal to meet regularly with the Soviet ambassador, as well as the withdrawal of Soviet advisers and specialists, and a reduction in military and other assistance provided by the USSR to its Vietnamese friends.

At the same time, it should be acknowledged that Khrushchev's doubts, or rather his disagreement and skepticism regarding the success of the VWP's plans for an armed uprising, and his concerns that an escalation of hostilities in the South would lead to an inevitable and active American intervention, were well-founded. The Americans were rapidly increasing their military presence in the South of Vietnam and expressing their determination to defend it at all costs. At the time, the influential part of Vietnamese leadership believed that the chances of the Americans deciding to invade their country were minimal. They were greatly mistaken, but this understanding of the situation led them to believe that they could refuse Soviet assistance altogether and fully side with China in its confrontation with the USSR. All this only aggravated the crisis in mutual relations.

Keywords: *USA, China, USSR, intervention, peaceful coexistence, Saigon regime, ideological division*

For citation: Mosyakov D.V. A Move into the Abyss: Unsuccessful Attempts by the Leadership of the VWP and The CPSU to Understand Each Other's Actions and Overcome the Crisis in their Mutual Relations. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2026, Vol. 1, № 1 (70). Pp. 308–333. DOI: 10.31696/2072-8271-2026-1-1-70-308-333

Можно выделить несколько причин, почему Н.С. Хрущев вел дело к заметному охлаждению отношений двух партий и стран. У него сложилось довольно сложное отношение к товарищу Хо, которому он явно не симпатизировал, убеждение также в том, что истинный хозяин Ханоя – Ле Зуан – протекте Китая, что вьетнамцы просят слишком много помощи и довольно бесцеремонны, но главное было в том, что он испытывал очевидное недоверие к политике, которую проводили руководители ПТВ и ДРВ. Дело в том, что они на всех уровнях заявляли своим советским друзьям о приверженности принципам Женевы, а на самом деле, и Н.С. Хрущев наверняка получал такую информацию, безо всякого с ним согласования разжигали конфликт на Юге страны, перебрасывали войска и пытались захватить там новые территории, игнорируя недвусмысленные и неоднократные предупреждения из Москвы, что этого не следует делать.

Как мы знаем, Н.С. Хрущев не любил, когда его ставили перед свершившимся фактом, «когда ему возражали, был нетерпим к мнениям других товарищей. Всякий раз, когда с ним пытались говорить по вопросам, где взгляды не совпадали, он реагировал нервно и грубо»¹. Все это в полной мере относилось к его эмоциям относительно событий во Вьетнаме. Его не могла не раздражать двойственность и двусмысленность сообщений от вьетнамского руководства относительно их планов и политики на Юге. А они действительно были сложны и непонятны, расплывчаты и невняты. В качестве примера можно привести информацию, переданную Генеральным секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном советскому послу в феврале 1961 г. Вьетнамский лидер, сообщил ему о прошедшем в январе заседании Политбюро ЦК ПТВ и сказал, что «члены Политбюро едины в мнении о необходимости сохранения мира в Индокитае». «Поэтому друзья, – сообщал посол, – не собираются предпринимать таких мер в отношении Юга страны, которые могли бы угрожать миру в Индокитае». Ле Зуан сообщил также, что в масштабе всего Южного Вьетнама основной упор «мы будем делать на политическую борьбу. Там, где это можно мы будем сочетать ее с вооруженной борьбой. Например, в лесных и горных районах будут действовать вооруженные отряды, как это делается в Лаосе». «Но пока на Юге, – сообщил он, – всего 250 взводов и, – по его мнению, – они пока мало что могут сделать». В завершении беседы Ле Зуан, по словам посла, «вновь указал на то, что общим выводом, который сделало Политбюро, является следующий: обратить основное внимание на политическую борьбу, сочетая ее с военными действиями, и идти, таким образом, к всеобщему восстанию»².

Даже поверхностный анализ показывает, что в том, что рассказывал Ле Зуан, с точки зрения формальной логики есть внутреннее противоречие: с одной стороны, он говорит о политическом процессе как о ключевом факторе объединения и сохранения мира, но с другой — о важной роли вооруженной борьбы и даже подготовке всеобщего восстания. Причем о том, что вьетнамские друзья собирались учитывать рекомендации Кремля, никакой ясности не было. Из того, что сообщил вьетнамский генсек, советское руководство никакого определенного представления относительно планов ПТВ на Юге сделать в принципе не могло.

При этом следует понимать, что там, где в Москве видели противоречие, для вьетнамских товарищей никакого противоречия не было. В Ханое не видели никого дуализма — либо политическая борьба, либо вооруженная, там полагали, что для успеха их борьбы хороши все методы если они дают нужный результат. Требовалось ослабить и развалить сайгонский режим, а как — политическим или военным путем было не столь важно и зависело от того, что будет более эффективно. Так что во вьетнамском дискурсе и политический процесс и вооруженная партизанская война и действия крупных военных сил — все это стало частью большого стратегического плана по объединению страны под властью ПТВ, о котором, собственно, и информировал советского посла вьетнамский лидер.

Другое дело, что в Москве этот план не совсем правильно поняли и увидели в нем больше опасность военного конфликта на Юге, чем цельную и прагматичную политическую программу. Но в любом случае следует отметить, что сам факт ознакомления советского руководства с планами ПТВ свидетельствовал о том, что у вьетнамского руководства сохранялось явное намерение, несмотря на все сложности, и дальше взаимодействовать с Москвой. Но еще одна проблема состояла в том, что, сформулировав стратегический план и приняв его на заседании Политбюро, руководство ПТВ фактически поставило Москву перед свершившимся фактом, так как все что было принято очевидно не было согласовано и не обсуждалось с советскими представителями. А это являлось серьезным нарушением субординации, план следовало заранее обсудить и поставить в известность «старших товарищей». А этого сделано не было и уже в силу этого принятая на Политбюро стратегия не могло понравится Н.С. Хрущеву. И слова Ле Зуана о том, что «мы учли основные положения московского Заявления представителей коммунистических и рабочих партий «и не будем применять китайский путь освобождения страны, ибо он не подходит к конкретным условиям

Вьетнама, где нельзя использовать исключительно форму вооруженной борьбы для этой цели»³ вряд ли могли изменить позицию советского лидера, хотя, на самом деле, это было достаточно откровенное послание лояльности к позиции Москвы.

В этой связи перед Н.С. Хрущевым вставал и другой вопрос – насколько вообще можно было доверять информации от руководителей ПТВ, которые демонстрировали независимость и ставили Москву перед свершившимся фактом. Понятно, что вся эта ситуация работала не на позитив, а на негатив во взаимных отношениях. Тем более что в реальности, вместо политической борьбы, ставка вьетнамскими друзьями была сделана на вооруженное восстание и на террор, в ходе которого было убито несколько тысяч человек, связанных с сайгонскими властями. В апреле 1957 г. началась кампания покушений на чиновников и сторонников южновьетнамского режима, именуемая «истреблением предателей» и «вооруженной пропагандой». Причем все эти многочисленные убийства широко обсуждались не только во вьетнамской, но и в мировой печати, которая все больше старалась превратить северо-вьетнамских активистов в террористов, подлежащих немедленному уничтожению.

Взаимный террор стал прелюдией к гражданской войне, которая стала набирать обороты после 1960 г., когда только с 1961 по 1963 гг. с Севера на Юг было направлено свыше 40 тыс. человек, доставлены тысячи тонн груза, в том числе, 165 тыс. единиц оружия. К 1964 г. революционные силы Юга достигли 150 тыс. человек⁴.

Как мы видим, в начале 60-х в рамках советско-вьетнамских отношений советское руководство фактически полностью потеряло контроль за действиями ПТВ, которая при поддержке КНР самостоятельно взяла курс на вооруженную борьбу и организацию всеобщего восстания. Последняя уступка Москве была сделана вьетнамскими коммунистами на своем III съезде, но сейчас понятно, что это была уловка: получив после съезда необходимую помощь из Москвы, отношения с СССР стали быстро ухудшаться. Причина этого была вполне понятна – советское руководство: его взгляды и позиция стали потенциальным барьером на пути развертывания вооруженной борьбы на Юге, и это было неприемлемо для Ханоя.

Н.С. Хрущев обладал огромным политическим опытом, и нет сомнений, что всю эту игру он прекрасно видел и учитывал в своей вьетнамской политике, которая содержала в себе и расчет, и большое эмоциональное раздражение на Вьетнам. Так как при, казалось бы, огромных возможностях жестко отреагировать на очевидную

двусмысленность отношений, реально изменить ситуацию и повернуть ее в свою пользу он не мог. Проблема заключалась в том, что просто взять и обвинить руководство ПТВ в отходе от согласованной линии, желании втянуть СССР в конфликт, игнорировании рекомендаций «великого борца за мир» Н.С. Хрущева и радикально уйти из Вьетнама, прекратив всякую помощь, было невозможно по целому ряду обстоятельств – здесь и международная политика, и угроза авторитету советского лидера в коммунистическом мире, и собственно интересы СССР в этом регионе мира.

Ко всему этому следует добавить еще одну важную деталь, которая практически не замечается многими исследователями. Дело в том, что, несмотря на негативную в отношении Вьетнама позицию Н.С. Хрущева, многие люди в руководстве КПСС и особенно в ее аппарате не могли не понимать, что борьба ПТВ носит справедливый характер и направлена против закабаления Юга американцами и на воссоединение страны, что вооруженная эскалация Севера идет в ответ на жестокие репрессии сайгонского режима против вьетнамских коммунистов и всех, кто им сочувствовал и помогал. К 1960 г. жертвами кампании уничтожения так называемых северовьетнамских агентов (лозунг кампании звучал так: «Убивать без жалости, убивать их, как зверей») стали сотни тысяч вьетнамцев: было убито 89 тыс., заключено в тюрьмы 275 тыс., согнано в концентрационные лагеря 500 тыс. человек⁵.

О том, что помимо мнения Н.С. Хрущева в аппарате ЦК КПСС существовало и иное понимание событий во Вьетнаме и политики ПТВ свидетельствует, например, докладная записка заведующего отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю.В. Андропова, подготовленная по итогам встречи посла во Вьетнаме Л.Н. Соколова с Ле Зуаном. В записке указывалось что «можно предположить, что в определении путей завершения национальной народно-демократической революции в Южном Вьетнаме друзья учли ранее высказанные им советскими товарищами пожелания ориентировать массы на развитие мирных форм борьбы за объединение страны»⁶.

В этом документе нет ни слова о подготовке вооруженного восстания, а из беседы взято только то, что могло бы устроить Н.С. Хрущева. Почему Ю.В. Андропов так сделал, сказать сложно. Мне представляется, что он симпатизировал вьетнамским товарищам и, понимая важность Вьетнама для СССР, хотел несколько смягчить или даже изменить отношение Н.С. Хрущева к ДРВ. Он, естественно, сильно

рисковал, так как реальная ситуация «на земле» складывалась совсем не так, как было указано в записке, и вместо борьбы за мир вьетнамские друзья уже открыли военные действия, создавали «освобожденные районы» во многих провинциях Южного Вьетнама. При этом не следует предполагать, что Ю.В. Андропов был недостаточно информирован о реальном положении; скорее у него была своя личная позиция признания справедливости борьбы вьетнамских коммунистов с марионеточным режимом в Сайгоне, и он ее проводил в жизнь, стремился сформировать у Н.С. Хрущева более позитивное отношение к ПТВ и к вьетнамской проблеме в целом.

Впоследствии, уже после отстранения Н.С. Хрущева от власти, усилия Ю.В. Андропова полностью окупятся: начнется период теснейших и доверительных отношений двух коммунистических партий и стран, Вьетнам получит полную поддержку СССР в своей борьбе, а Москва — надежного союзника на юго-западных китайских рубежах. Но в 1961 г. у Н.С. Хрущева, судя по его последующим действиям, были и другие советники, и другие источники информации, и даже выделение Ю.В. Андроповым позитивных моментов в политике ПТВ не смогло переубедить его в том, что на Юге Вьетнама происходят события, которых он не желал, и что северо-вьетнамские друзья на словах говорят о ценности Женевских соглашений и о мире, а на деле, вместо мирного сосуществования, ведут без его одобрения вооруженную борьбу за освобождение Юга.

С позиции Н.С. Хрущева это были не просто действия против его воли, но они, с точки зрения геополитики, создавали реальную опасность того, что в вооруженную борьбу на Юге Вьетнама вмешаются США и естественным ходом вещей все это приведет к обострению противостояния Москвы и Вашингтона, чего так хотел избежать советский руководитель. Опасения Н.С. Хрущева имели под собой веские основания, так как американцы и не скрывали особо своих планов. В это время на самых верхних эшелонах власти они принимали документы по наращиванию своего присутствия на Юге Вьетнама. В качестве примера из всего этого обилия документов можно привести один из них — меморандум по вопросам действий в области национальной безопасности № 111 от 22 ноября 1961 г., подписанный советником президента Дж. Кеннеди по национальной безопасности Макджорджем Банди. В нем говорилось, что «госсекретарь получил указания президента сообщить послу во Вьетнаме, чтобы тот передал президенту Дьему следующее: «1. Правительство США готово принять участие совместно с правительством Южного Вьетнама в усиленных действиях, направленных на

избежание дальнейшего ухудшения ситуации в Южном Вьетнаме. ... США незамедлительно предпримут нижеперечисленные действия в поддержку правительства Южного Вьетнама:

1) предоставят военно-воздушную технику, включая вертолёты, лёгкую авиацию и транспортные самолёты, которые будут обслуживаться американским военным персоналом и будут находиться под операционным контролем США;

2) направят дополнительное оборудование и американский военный персонал, необходимые для воздушной разведки, фотосъёмок, проведения инструктажа и выполнения воздушно-наземных операций;

3) предоставят правительству Южного Вьетнама небольшие корабли, направят американских советников и другой персонал, которые могут потребоваться для проведения операций по наблюдению и контролю за прибрежными водами и внутренними водными путями;

4) направят оборудование и обучат гражданскую гвардию и силы самообороны с целью освобождения регулярной армии от действий статического характера и передачи в её ведение мобильных наступательных операций;

5) обеспечат персоналом и оборудованием, которое может понадобиться для улучшения системы военно-политической разведки на уровне провинций, правительства, вооружённых сил и Центральной разведывательной организации;

6) проведут реорганизацию и увеличат численность американских военных сил, необходимых для усиленной военной помощи правительству Южного Вьетнама, а также выполняют другие обязательства, которые попадают в сферу компетенции американских военных властей по этим рекомендациям;

7) предоставят усиленную экономическую помощь правительству Южного Вьетнама, направят администраторов и советников в правительственные структуры Южного Вьетнама ... а также персонал для совместной оценки с правительством Южного Вьетнама ситуации в каждой провинции с целью выявления социальных, политических, разведывательных и военных проблем в проведении контрповстанческой программы, чтобы прийти к общему представлению о них и о способах их решения»⁷.

Этот и подобные ему документы, вроде тех же меморандумов или директив американского Совета национальной безопасности (СНБ), можно расценивать как доказательство подготовки США к большой войне во Вьетнаме. К этому же их толкал и сам глава сайгонского режима Нго Динь Дьем, заявивший в 1957 г., выступая перед

американским конгрессом, что «отныне граница США простирается по 17-й параллели», вызвав при этом горячие аплодисменты конгрессменов⁸.

Под эти аплодисменты, отражавшие агрессивный настрой американской правящей элиты, желавшей даже путем большой войны поддерживать режим в Сайгоне, втягивание Америки в дела Южного Вьетнама из года в год только нарастало, поток разнообразной помощи, в первую очередь военной, увеличивался, число советников, и в гражданском, и особенно в военном секторе, росло, и было понятно, что свои инвестиции в правящий на Юге режим американцы будут защищать при всех обстоятельствах. К тому же в это время они довольно серьезно относились к так называемой «теории Домино», которая предполагала, что если Южный Вьетнам станет коммунистическим, то под контроль коммунистов через короткое время попадут и все соседние с ним государства Юго-Восточной Азии. «Трудно представить себе, — отмечал в 1954 г. президент США Д. Эйзенхауэр в письме премьер-министру Великобритании У. Черчиллю, — как тогда можно будет предотвратить переход Таиланда, Бирмы и Индонезии в руки коммунистов. Этого мы допустить не можем. Угроза Малайе, Австралии и Новой Зеландии станет непосредственной. Разорвется цепь прибрежных островов»⁹.

Такой прогноз, который впоследствии почти полностью оправдался в отношении Камбоджи и Лаоса — стран, непосредственных соседей Вьетнама, которые после победы вьетнамских коммунистов на Юге пошли по пути строительства социализма, — только добавлял решимости американской правящей верхушке ни в коем случае не допустить победы коммунистов на Юге Вьетнама, остановить их там и не допустить распространения их власти в Индокитае и в целом в ЮВА.

Такая политическая установка требовала резко увеличить не только военную, но и экономическую помощь южновьетнамскому режиму. К началу 60-х она приобрела невиданный ранее характер, покрывая более 80% всех поступлений в государственный бюджет Республики Вьетнам из внешних источников. Более того, на территории Южного Вьетнама к 1962 г. уже находилось 8 тыс. американских советников, которые не только обучали южновьетнамскую армию, но и принимали непосредственное участие в боевых действиях¹⁰.

Так что сомнения Н.С. Хрущева, а точнее его несогласие и скепсис относительно успешности планов ПТВ на вооруженное восстание, а также его опасения, что расширение масштаба боевых действий на Юге вызовет неизбежное и активное американское вмешательство, имели под собой реальные основания. В принципе он был во многом

прав: он реально оценивал американскую решимость и мощь. И уже после его отстранения от власти, в октябре 1964 г., американцы, как он и опасался, чтобы спасти южновьетнамский режим от неизбежного поражения, вмешались в конфликт всеми своими силами, направив во Вьетнам более 500 тысяч солдат и несчетное количество военной техники. В результате события там приняли характер глобального конфликта с огромными потерями для обеих сторон и стоили СССР больших затрат средств и усилий в поддержку ДРВ. Всего этого Н.С. Хрущев как раз и стремился избежать.

Очевидно, что, занимая такую миролюбивую и компромиссную позицию в отношении Вьетнама, советский лидер с точки зрения ортодоксальных марксистов являлся «ревизионистом и оппортунистом». Но мало того, что он навлек на себя их гнев и обвинения, так еще оказался в настоящей ловушке: с одной стороны, он был против активизации вооруженного противостояния на Юге Вьетнама, но с другой — не мог просто отказать в помощи вьетнамским коммунистам, так как это окончательно подорвало бы его престиж главного, как он считал, коммунистического лидера в мире, вызвало бы новую волну критики со стороны иностранных коммунистов и их партий и резко усилило позиции Мао Цзэдуна как истинного лидера мирового коммунистического движения.

В Ханое прекрасно понимали сложность положения Н.С. Хрущева, ограниченность его возможностей разорвать с ПТВ все отношения, осознавали и сильную сторону своей позиции, но ни Хо Ши Мин, ни кто-либо из руководства не старались этим злоупотреблять; наоборот, они это игнорировали и искали такую форму общения с советским лидером, которая минимизировала бы риски конфликта, а при благоприятном стечении обстоятельств могла бы изменить его подходы к конфликту на Юге Вьетнама. К началу 60-х руководству ПТВ показалось, что такая формула найдена: они нашли такое объяснение своей политики, которое могло бы убедить советского лидера в справедливости и правильности их действий. Смысл этой новой формулы состоял в том, что в беседах с советскими представителями вьетнамские товарищи стали делать упор не на свои победы, а на террор против коммунистов и простых людей, подчеркивать вынужденность своих вооруженных действий, указывать на то, что они не нападают, а обороняются.

Более того, рассказывая о политической борьбе, они всячески подчеркивали роль созданного в 1960 г. Фронта освобождения Южного Вьетнама как легитимного представителя южновьетнамского

населения, заявляли о том, что сделано это в русле рекомендаций Н.С. Хрущева о примате политической борьбы: создана политическая структура, нацеленная на переговоры и на мирный процесс объединения страны, при этом способная в сложных обстоятельствах организовать вооруженные выступления для защиты людей от репрессий режима и контролировать освобожденные районы.

Понятно, что во всей этой формуле сохранялась определенная двусмысленность и недоговоренность. Но эмоционально, с точки зрения восприятия, такая подача информации смотрелась совершенно иначе, чем раньше, когда вьетнамские друзья рассказывали о победах, о том, как они наступают и захватывают все новые районы у сайгонских властей и расширяют контролируемое пространство на Юге. Причем их ссылки на то, что всех этих удивительных побед добиваются южно-вьетнамские партизаны, которые вполне самостоятельно готовятся к всеобщему восстанию и захвату Сайгона, вряд ли вызывали в Москве серьезное доверие. Там не сомневались, что и сам Фронт, и его вооруженные силы (хотя в самом фронте, особенно в первые годы, действительно было довольно много южан — не коммунистов, но противников сайгонских властей) созданы и контролируются руководством ПТВ, и все его действия, как в военных, так и в политических вопросах, подчиняются директивам из Ханоя. На это, кстати, вполне прозрачно намекали и некоторые вьетнамские руководители. Так, например, в беседе с Н.С. Хрущевым, состоявшейся 3 июля 1961 г., Фам Ван Донг заявил, что «после этого пленума (XV-й. — Д. М.) освободительное движение в Южном Вьетнаме разворачивается широко и стремительно. В понятие освободительных сил в Южном Вьетнаме входят как партийные кадры, так и массовые организации и вооруженные силы». Далее, как отмечается в стенограмме, «Фам Ван Донг показал Н.С. Хрущеву карту Южного Вьетнама с расположением освободительных сил. Эти силы велики, но распределены неравномерно. Так все еще слабо развиты эти силы в крупных городах, в центральной части Южного Вьетнама и в районах стратегических дорог. Предстоит, сказал он... укрепить эти силы как в политической, так и в военной областях и вести борьбу искусно, ожидая благоприятного момента»¹¹.

При ближайшем рассмотрении можно сказать, что все эти новые смысловые конструкции, придуманные в Ханое, специально для советского лидера, на самом деле никакими конструкциями и не были и в целом соответствовали действительности, реально складывающейся ситуации в Южном Вьетнаме. Там на самом деле, много людей были готовы поддержать коммунистов, так как выступали против власти Нго

Динь Дьема, особенно это относилось к крестьянам, которым коммунисты в 40-е годы отдали землю, а правитель в Сайгоне пытался ее забрать. Кроме того, слабость режима в Сайгоне заключалась в том, что он опирался в основном на католиков, противопоставил себя буддистам и миллионам сектантов из разгромленных еще в 1955 г. религиозных сект Као дай и Хао Хао и в целом не располагал значительной социальной поддержкой. Именно поэтому действия северо-вьетнамского руководства и оказались такими успешными на Юге.

В Ханое значительно лучше, чем в Кремле видели слабости противостоящего им противника и знали, как эти слабости использовать. То, что советское руководство, рассматривало республику Южный Вьетнам как довольно прочное государственное образование, за спиной которой стояли американцы, с вьетнамской точки зрения было не более чем военной диктатурой, основанной на мощных полицейских силах и аппарате подавления, но не пользующейся доверием и поддержкой большинства населения. Плюс к этому в Ханое, как мне рассказывал И.А. Огнетов, многие влиятельные деятели сомневались в принципе – пойдут ли американцы на вторжение во Вьетнам в случае краха южно-вьетнамской диктатуры. Они полагали, что пример разгрома французов при Дьенбьенфу, должен остановить американских стратегов. Такой настрой руководства ПТВ подтверждал и сам Ле Зуан в своих «Письмах на Юг». Он отмечал, что в партии в то время было распространено мнение, что «военный разгром сайгонского режима должен был вынудить США сесть за стол переговоров и отказаться от вмешательства во вьетнамские дела»¹². Как известно, события во Вьетнаме, в противовес таким настроениям, стали разворачиваться по совершенно иному сценарию.

Возвращаясь к способам общения вьетнамских руководителей с советским лидером, следует отметить, что новая тактика убеждения Н.С. Хрущева в правоте политики ПТВ, с упором на то, что они вынуждены отвечать на репрессии сайгонского режима на Юге Вьетнама, особенно убедительно проявилась во время встречи временного поверенного в делах СССР в ДРВ Н.И. Годунова с первым секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном, которая состоялась 9 мая 1961 г. Вьетнамский лидер начал беседу с описания ситуации на Юге, причем он построил свой рассказ таким образом, что не оставалось никаких сомнений, что коммунисты желают только мира, но просто вынуждены идти вслед за народом Юга Вьетнама, который требует от них борьбы с режимом Нго Динь Дьема. Он отмечал, что «революционная борьба ширится и крепнет. На Юге страны фактически идет партизанская война. Все это привело к тому,

что в настоящее время в $\frac{1}{3}$ общин Южного Вьетнама ликвидированы дьемовские административные комитеты. Население берет управление в свои руки. Он еще сказал, что там, где это невозможно «население мирится с присутствием администрации Нго Динь Дьема только потому, что это необходимо для облегчения работы патриотических сил (торговля, связь с другими районами и т. д.). Из его слов следовало, что режим сайгонский слаб и все население против него и коммунисты «не могут не поддержать волю и стремление народа»¹³.

Как показали дальнейшие события, новая тактика убеждения советского лидера в правильности действий вьетнамского руководства возымела определенный эффект. Так, например, в уже упоминавшейся беседе с Фам Ван Донгом Н.С. Хрущев после его рассказа о том, как на Севере страны строят социализм, развивают промышленность, а на Юге работают с южновьетнамской интеллигенцией, настраивая ее против южновьетнамского диктатора, заявил, что «советское правительство считает, что у вьетнамцев дела идут хорошо, и мы довольны вашими успехами. На стороне Нго Динь Дьема огромные силы США, но они не могут справиться с освободительным движением внутри страны, и это хороший признак»¹⁴.

К сожалению, одобрение действий вьетнамского руководства носило временный характер и быстро сменилось все тем же недоверием и нежеланием помогать им особо. Причина этого заключалась не только в смене настроения Н.С. Хрущева, что случалось довольно часто, но и в наличии реальных противоречий в подходах двух сторон. Дело в том, что Н.С. Хрущев рассматривал конфликт на Юге Вьетнама с точки зрения глобальной геополитики и возможного столкновения там с американцами, чего он хотел всячески избежать. Для вьетнамских коммунистов борьба за Юг являлась важнейшей целью национального освобождения и восстановления единства страны, ее силы и авторитета, гарантии внутреннего мира и строительства социалистического общества. Для советского лидера все эти соображения вьетнамцев не имели существенного значения. Он опасался, что своими действиями вьетнамские друзья, которые, как он полагал, и так симпатизируют КПК и настроены критически и к нему лично, и к его политике, своими действиями на Юге превратят «мирное сосуществование» в еще один нереализованный проект периода его правления.

Особенно болезненно он переживал тот факт, что не мог остановить вьетнамских руководителей, заставить действовать так, как ему было нужно, без серьезнейшего ущерба своему авторитету и авторитету партии и страны. Точнее сказать, такая возможность у него была,

но использовать ее означало попасть в очень опасную и невыгодную для его дела ситуацию. Ведь борьба вьетнамских коммунистов пользовалась полной поддержкой всего коммунистического движения, оставалась общим фундаментом как прокитайских, так и просоветских компартий, и выступить против них означало получить неодобрение и критику не только со стороны тех, кто симпатизировал позиции Мао, но и среди тех, кто выступал в поддержку линии КПСС. Еще одной Албании, с которой к этому времени отношения были на грани разрыва, а может быть и нескольких Албаний, он никак не хотел получить, да и войти в историю политиком, «похоронившим» мировой коммунизм. Но и пойти им навстречу, изменив своим целям, подорвать все то, что он так активно выстраивал, пожертвовать «мирным сосуществованием» ради победы вьетнамских коммунистов на Юге, он тоже не хотел. Отсюда его колебания и связанный с ними глубокий кризис во взаимных связях.

Мы можем сегодня вполне уверенно сказать, что в начале 60-х советско-вьетнамские отношения вошли в сложный и довольно конфликтный этап своего развития. Причина этого заключалась в том, что стороны по-разному смотрели и по-разному оценивали и международную ситуацию, и ситуацию в коммунистическом движении, и обстановку во Вьетнаме. Взгляды в руководстве Москвы и Ханоя относительно настоящего и будущего стали почти противоположными, что естественно крайне отрицательно повлияло на их отношения. В то же время не следует, как делают некоторые авторы, преувеличивать глубину их разрыва и изображать ситуацию так, что как будто обе стороны фактически полностью прекратили взаимное общение. Что «взаимное отторжение, как отмечал Илья Гайдук, оказалось настолько сильным, что Москва даже решила уйти из Вьетнама, разочарованная тем, что ее усилия по предотвращению международного кризиса там провалились»¹⁵.

На самом деле решение о том, чтобы СССР ушел из Вьетнама, никогда не было принято и, судя по имеющимся архивным документам, даже не обсуждалось. Но то, что кризис в отношениях был, и то, что стороны по-разному оценивали многие события и в мире, и во Вьетнаме, сомнению не подлежит. Но приводить в доказательство этого следует только вполне достоверные факты, а не создавать новые версии взаимного конфликта, как это произошло при описании событий на так называемой второй Женевской конференции, которая проходила с 16 мая 1961 года по 23 июля 1962 г. Сопредседателями конференции выступали Великобритания и СССР, и, как полагал Н.С. Хрущев, «такое

совещание должно было стать примером мирного сосуществования, когда враждебные друг другу социалистическая и капиталистическая страны вместе организуют борьбу за мир в Лаосе»¹⁶. По версии, впервые предложенной И. Гайдуком и подхваченной позже другими авторами, конференция в Женеве в 1962 г. показала, что Советский Союз не только сдерживал революционные порывы Китая и Северного Вьетнама в борьбе с империализмом, но также «...в Кремле пытались недвусмысленно дать понять Вашингтону, что для Советского Союза Индокитай не является территорией стратегического значения, и в связи с этим Советский Союз был готов искать пути решения проблемы, которые устроили бы обе стороны»¹⁷.

Как конкретно происходила такая сделка и была ли она вообще, в книге И. Гайдука не говорится. Но крайне сомнительной является сама ситуация, когда СССР и его полномочные представители на глазах у всех участников конференции «продают» империалистам храбрый и борющийся Вьетнам. Вопрос еще и в том, зачем советскому руководству в принципе нужно было это делать. Что выигрывал СССР от компромисса с США по Индокитаю? Кроме обвинений со всех сторон в предательстве ничего. Более того, если посмотреть запись беседы заместителя премьера и министра иностранных дел КНР Чэнь И в Москве с временным поверенным в делах СССР в КНР Н.Г. Судариковым, состоявшейся 31 июля 1962 г., как раз во время этой конференции, то выяснится, что никакого конфликта между советскими и китайскими представителями вообще не было. Советский дипломат сообщал, что в заключение этой части беседы Чэнь И подчеркнул единство позиций Советского Союза и КНР в лаосском вопросе. «Это очень хорошо», – сказал он¹⁸.

Так что приведенный выше отрывок из монографии И. Гайдука – пример не всегда верной информации. На самом деле советские представители на конференции в Женеве никому ничего не пытались «недвусмысленно дать понять». Их большее миролюбие по сравнению с позицией КНР и ДРВ отражало лишь взгляды Н.С. Хрущева относительно перспектив урегулирования в Лаосе, желательно путем переговоров и политических консультаций. У ДРВ и КНР была несколько иная позиция, больше связанная с перспективой военной победы антиамериканских сил. Но в целом и у СССР, и у ДРВ, и у КНР были общие подходы, сформулированные еще до начала конференции, и она никак не была связана с поисками некоего соглашения с США.

Что действительно стало очевидным на этой конференции, так это отсутствие координации советской стороны с представителями

ДРВ и КНР. Этим она как раз и отличалась от первой Женевской конференции по Индокитаю 1954 г., когда делегации трех стран заранее встречались и обговаривали общие позиции. Теперь это касалось только ДРВ и КНР. Зримый союз ДРВ с Китаем опирался еще и на то, что Мао Цзэдун, да и все руководство КПК, выступали за более активные действия на Юге Вьетнама и поощряли стремление ЦК ПТВ к расширению вооруженной борьбы. В результате, как отмечал другой исследователь этого периода Д. Зусманович, в советско-вьетнамских отношениях сложилась ситуация, когда «Ханой практически перестал вести диалог и ставить в известность Кремль относительно своих планов и действий в Южном Вьетнаме»¹⁹.

На самом деле и это утверждение, судя по архивам, не совсем верное. Диалог двух сторон, как мы увидим дальше, нигде не исчез, он сохранился, но действительно ставить в известность Москву о своих планах в Ханое практически прекратили. Дело в том, что при всем осуждении политики СССР в отношении Албании, Китая и Южного Вьетнама руководство в Ханое, в отличие от КНР, не могло позволить себе полностью разорвать отношения с Москвой. Они были слишком важны и для восстановления экономики, и для ведения военных действий. Поэтому общее снижение уровня и масштаба взаимодействия действительно произошло, и архивные документы 1962–1964 гг., с которыми мне удалось познакомиться, показывают явное снижение активности в контактах, но они совершенно не говорят о том, что эти контакты прекратились.

Особенно интенсивно шел обмен письмами от лица руководства двух стран. Так, например, в письме ЦК ПТВ Н.С. Хрущеву от 29 мая 1962 г. руководство партии вновь пыталось подробно разъяснить политику ПТВ и найти взаимопонимание с советским лидером. В этом документе вьетнамское руководство, признавая авторитет своего адресата, докладывало ему об экономических успехах, как бы убеждая его, что ПТВ идет в фарватере его советов и указаний на первоочередное развитие вьетнамской экономики²⁰.

В другой части письма ЦК ПТВ сообщало о положении в Южном Вьетнаме, и там, в духе «мы вынуждены давать отпор врагам, которые нас атакуют», давались исчерпывающие объяснения, почему руководство партии все глубже и активнее участвует в событиях в Южном Вьетнаме. В письме отмечалось, что «в 1957, 1958 и 1959 годах американские империалисты и клика Нго Динь Дьема, сосредоточив свои силы, непрерывно предпринимали кампании жестокого террора, карательных операций, опубликовали целый ряд фашистских законов. Все

это было направлено к тому, чтобы уничтожить силы нашей партии, истребить бывших участников Сопротивления и патриотов в Южном Вьетнаме. За период с июля 1954 г. до конца 1959 г. было убито свыше 68 тыс. человек, арестовано свыше 266 тыс., ранено 680 тыс.».

Кроме того, по данным авторов письма, «около 400 тыс. человек было заключено в концентрационные поселения, находящиеся под надзором властей». В такой обстановке, говорилось далее в письме, с начала 1960 года и до сих пор народ Южного Вьетнама вынужден вести легальную и нелегальную политическую и вооруженную борьбу в целях самозащиты с тем, чтобы защищать свою жизнь, имущество и элементарные человеческие права». Только после этого в письме указывалось на военно-политические успехи, достигнутые коммунистами в Южном Вьетнаме. Сообщалось, что в настоящее время там «имеется 5 крупных и небольших революционных баз. Нам удалось занять ряд пунктов стратегического значения, главным образом в горных и сельских районах. Революционные силы расширили сферу своего влияния, контролируют свыше 60 % общин Южного Вьетнама, в которых проживает свыше 6 млн человек из 13 838 тыс. человек всего населения Юга».

По мысли авторов, весь текст письма должен был убедить Н.С. Хрущева в том, что политика ПТВ не просто справедлива, но [является] единственно возможной в сложившихся условиях, что «коммунисты вынуждены идти вслед за волей народа» и на этом пути они уже добиваются значимых успехов, контролируя почти половину населения Южного Вьетнама. Но чтобы удержать достигнутое, следует еще более усилить и сплотить ряды, так как «соотношение сил между нами и противником в Южном Вьетнаме таково, что: мы имеем превосходство над противником в политическом отношении, однако в военном отношении вооруженные силы противника во много раз превосходят наши силы»²¹.

Далее в письме руководство ПТВ подходит к самому главному – «от всего сердца просит Советский Союз и Китай продолжать оказывать нам помощь в моральном и материальном отношениях с тем, чтобы разоблачить перед всем миром замыслы американских империалистов, заставить их удержаться от воинствующих действий, пресечь их попытки в расширении агрессивной войны в Южном Вьетнаме, поддержать революцию в Южном Вьетнаме, чтобы она выдержала все испытания и получила развитие и увенчалась победой»²².

Приведенное выше письмо вьетнамских товарищей лично Н.С. Хрущеву является, несомненно, крайне информативным

документом той эпохи. Первое: из него следует, что сообщения о прекращении контактов ПТВ и КПСС сильно преувеличены. Второе: то, что северовьетнамские силы в Южном Вьетнаме находились на самом деле в очень сложном положении, испытывали недостаток материальных ресурсов и вооружения для продолжения и расширения борьбы. И, наконец, третье: в Ханое было ясное понимание того, что без помощи и поддержки со стороны Москвы о планах освобождения Юга, или хотя бы создания там устойчивых зон контроля, можно забыть.

Собственно, цель письма состояла в том, чтобы в очередной раз попытаться объяснить Н.С. Хрущеву причины и задачи текущей политики ПТВ на Юге, донести до хозяев Кремля мысль о том, что они должны, просто обязаны поддержать вьетнамских коммунистов. Для руководства ПТВ это было тем более важно, что Н.С. Хрущев в беседе с Фам Ван Донгом за год до этого вполне определенно высказался о сокращении или даже прекращении помощи со стороны СССР. Он сказал вьетнамскому премьер-министру, что «мы готовы изучить решения правительства ДРВ о помощи Лаосу и обсудить вопрос о том, какую часть предоставления помощи мы сможем взять на себя. Но надо учитывать то, что наши возможности значительно ниже спроса. За помощью к нам обращается весь мир, а нам нельзя подрывать свою экономику, ибо мы обязаны достойно вести экономическое соревнование с капиталистическим миром. Мы понимаем нужды колониальных народов, порожденные вековым гнетом, считаем, что на преодоление этих трудностей должны быть мобилизованы прежде всего внутренние силы страны, т. е. сам народ. Не надо создавать у молодых стран мнения, что социалистические страны дадут им все. Такое мнение было бы неправильным и опасным, так как мы не сможем удовлетворить все просьбы, и тогда они нас же обвинят в отказе помогать им»²³.

Еще в письме привлекает внимание специальная приписка в конце основного текста, в которой говорилось, что «ЦК ПТВ имеет честь просить Вас ознакомиться с этим обзором и высказать свое мнение по затронутым вопросам»²⁴.

Наличие такой приписки означало, во-первых, особую важность переданного материала, а во-вторых, неуверенность вьетнамских друзей в том, что Н.С. Хрущев возьмет и прочитает их послание. В-третьих, это письмо в Ханое явно рассматривали как начало дискуссии, как повод для того, чтобы советский лидер высказал свои замечания, и они могли бы продолжить общение с ним по существу.

Так что очевидно, что никто в Ханое не собирался рвать отношения с Москвой; наоборот, там искали любую возможность, чтобы эти отношения поддерживать. Из всего этого следует вполне прозрачный вывод о том, что не вьетнамская сторона сокращала контакты и вела дело к разрыву, а это скорее относилось к советской стороне и лично к Н.С. Хрущеву, который то говорил о том, что «волна освободительного движения должна идти от Вьетнама все дальше и захлестывать другие страны», то о том, что влияние ДРВ будет в дальнейшем распространяться на Таиланд и Камбоджу²⁵, то отказывался концентрироваться на Вьетнаме и отправлял его проблемы на периферию и своего внимания, и советской политики.

Еще некоторое удивление вызывает то, что в письме вьетнамских друзей постоянно ставится знак равенства между Китаем и СССР как в отношении событий на международной арене – вместе борются с американским империализмом и поддерживают борьбу народов против колониализма, так и в отношении самого Вьетнама – вместе выступают его ближайшими союзниками. Исходя из сложившейся реальности, в Москве, скорее всего, решили, что такое перечисление, знак равенства двух стран, носит во многом формальный характер, являясь неким клише, когда-то созданным и сохранившимся без особых изменений. А смысл всего этого заключался в том, чтобы показать, что отношения с СССР значат для Вьетнама не меньше, чем отношения с Китаем, и, соответственно, в Ханое очень рассчитывают на помощь Москвы. Удивляет другое: вполне банальная мысль о том, что вьетнамское руководство реально заинтересовано не только в помощи, но и в поиске баланса в отношениях с Китаем, не хочет полностью от него зависеть, и что оно крайне заинтересовано в укреплении связей с СССР, показывая именно это, оказалась абсолютно не востребовавшей в Москве.

К сожалению, многие нюансы этого письма так и не были поняты в Кремле или, если говорить точнее, их и не хотели понимать. У Н.С. Хрущева сформировалась своя позиция в отношении ситуации и событий во Вьетнаме, и по мере усиления вооруженной борьбы на Юге его настрой становился все более критичным и по отношению к политике, и по отношению к руководству ПТВ и ДРВ. Он не скрывал этого и позже в своих мемуарах указывал, что «в то время, когда я занимал место в руководстве Коммунистической партии Советского Союза и в правительстве, основным сторонником Китая называли Генерального секретаря ЦК Вьетнамской партии трудящихся Ле Зуана. Доклады, которые мы получали и от посла, и от людей, которые выезжали во Вьетнам, позволяли сделать вывод, что фактически Хо Ши Мина

отстранили от руководства, ссылаясь на то, что он стар. Его обвинили в том, что он питает особое отношение к Советскому Союзу, не может реально разобраться в ситуации, которая сложилась сейчас, недооценивает роль Китая. Одним словом, я уже тогда, обладая такой информацией, понимал, что товарищ Хо фактически не принимает участия в решении важнейших вопросов коммунистического движения во Вьетнаме»²⁶.

Понятно, что, располагая такой, прямо скажем, не совсем верной информацией относительно внутривластных событий в ПТВ, он только укреплялся в своих негативных подходах к ДРВ и никакого доверия и никакой симпатии к вьетнамскому руководству испытывать не мог. На самом деле он очень сильно заблуждался, так как в будущем именно Ле Зуан станет лучшим другом не китайского, а советского руководства, а он у него числился как ставленник Китая, и непонятно было, как с ним иметь дело. Н.С. Хрущев был уверен, что «даже ключевые позиции в руководстве Компартии Вьетнама занимали прокитайские люди. Поэтому они повели там работу против Советского Союза, против нашей политики в то самое время, когда мы делали все, чтобы помочь Вьетнаму. А прокитайские элементы во Вьетнаме делали все, чтобы поссорить нас, оттолкнуть Вьетнам от Советского Союза и рассорить наши партии». Далее он пишет, что в то время думал, что «Вьетнам никогда не выйдет из лап Китая, а прокитайские силы там всегда были очень большие»²⁷.

Оценивая сегодня его взгляды, можно с сожалением признать, что он сильно заблуждался относительно неизбежности китайского влияния в ДРВ и в руководстве партии. Там были не прокитайские, а провьетнамские настроения, то есть интересы Вьетнама ставились во главу угла, и, наоборот, в Ханое только искали возможность снизить зависимость от северного соседа и не складывать «фрукты в одну корзину». Советский Союз для них был жизненно необходим для балансирования вьетнамской политики между Москвой и Пекином, не говоря уже о всей той помощи, которую Москва направляла во Вьетнам. Последующие события, уже после отстранения Н.С. Хрущева от власти, показали, насколько при иной политике можно было добиться куда больших результатов во Вьетнаме, чем это было достигнуто во время его правления. Прокитайская предопределенность руководства ПТВ, в которой был уверен советский лидер и на чем он основывал свой курс, на деле оказалась просто дымовой завесой, которая рассеялась при первом же серьезном движении советских руководителей навстречу интересам вьетнамского руководства.

Кстати, в день отправки послания ЦК ПТВ в адрес Н.С. Хрущева посольство СССР во Вьетнаме также направило в Москву политическое письмо с разбором ситуации в стране. Думаю, что сделано это было не случайно и совпадение дат имеет свой смысл. В посольстве, зная о подготовке письма от руководства ДРВ, решили, а может быть, получили задание дать полную картину реального положения в стране с тем, чтобы в Москве могли иметь адекватное представление о том, в каком направлении развиваются события во Вьетнаме. Сразу надо сказать, что практически весь этот довольно объемный документ подготовлен с явной симпатией к вьетнамским друзьям, с попыткой дать позитивное мнение относительно как их политики, так и особенно их борьбы на Юге.

В письме, в частности, отмечалось, что причина военных операций со стороны войск Северного Вьетнама на Юге состоит в том, что «осуществляя карательные операции против патриотических сил и сочувствующего им населения, дьемовцы и американцы фактически ведут войну на истребление в Южном Вьетнаме». В этой обстановке, подчеркивалось в документе, не оказывать карателям вооруженного сопротивления означает ставить под удар все национально-освободительное движение. Совершенно очевидно, что без принятия необходимых мер к укреплению патриотических сил на Юге возникла бы угроза их физического уничтожения в результате тех карательных операций, которые дьемовцы непрерывно проводят в Южном Вьетнаме»²⁸.

Как мы видим, посольство в Ханое в этом тексте практически повторяет все те доводы относительно причин обострения ситуации на Юге Вьетнама, которые приводили сами вьетнамские руководители. В письме далее говорится, что одновременно с развитием политической борьбы «друзья за время, прошедшее после III съезда ПТВ, предприняли шаги к активизации вооруженной борьбы на Юге. Об этом свидетельствуют операции в районе Контума-Плейку в ноябре 1960 г., в Дак-Ха и Пак Ко, в Фьюк Вине летом 1961 г. Об этом говорит также факт переброски в Южный Вьетнам летом 1961 г. ряда воинских подразделений из ДРВ и примерно тысячи кадровых офицеров для формирования воинских подразделений из местного населения. По данным друзей, вооруженные силы патриотов на Юге насчитывают 110 тыс. человек, в том числе регулярные части – 25 тыс., и партизаны – 85 тыс. человек»²⁹.

Из текста письма следует, что в посольстве не только полностью поддерживали вьетнамскую позицию относительно событий на Юге Вьетнама, но и стремились убедить Н.С. Хрущева и руководство в том,

что в Ханое самым внимательным образом прислушиваются к их заявлениям и рекомендациям. Авторы письма отмечали, что в разрешении южновьетнамского вопроса и проблемы объединения страны важную роль играет позиция, занимаемая социалистическим лагерем и, прежде всего, Советским Союзом, а также то, что каждое заявление Советского правительства и выступления товарища Н.С. Хрущева в поддержку национально-освободительной борьбы на Юге встречаются вьетнамским народом с чувством огромного удовлетворения³⁰.

Особенно хотелось бы обратить внимание на настоящую смелость в анализе причин ухудшения отношений двух партий и двух стран. Комментируя реакцию руководства ДРВ на широко обсуждавшиеся в то время предложение главы Камбоджи и «друга» Н.С. Хрущева, принца Нородома Сианука, о созыве нового международного совещания для разрешения южновьетнамской проблемы, в посольстве отмечали, что «друзья заявляют, что они не будут возражать против созыва нового совещания по типу Женевского, если это сочтут необходимым страны социалистического лагеря». Тем самым в посольстве указывали, что вьетнамское руководство готово согласиться с предложением Москвы, с которым до этого они были не согласны. Это был еще один важный шаг ЦК ПТВ в попытке убедить Кремль в том, что в ДРВ прислушиваются к озабоченностям Москвы, идут навстречу Н.С. Хрущеву, который надеялся, хотя бы таким путем — через организацию мирной конференции, — предотвратить сползание Вьетнама к новой войне.

В посольстве, кстати, согласие вьетнамской стороны на проведение новой мирной конференции по Вьетнаму интерпретировали несколько иначе: в письме указывалось, что «подобная позиция друзей, как нам представляется, вызвана их неуверенностью в том, что на международном совещании в настоящее время удастся достичь желаемых для них результатов, т. е. добиться удаления американцев из Южного Вьетнама, не создавая одновременно препятствий для дальнейшего развития национально-освободительного движения на Юге». Далее в письме было сказано самое важное: в связи с тем, что друзья не всегда охотно информируют нас о ходе национально-освободительного движения, о своих конкретных шагах и планах в Южном Вьетнаме, можно предположить, что среди вьетнамского руководства имеется скрытое недовольство нашей позицией и что у друзей, несмотря на ряд заявлений Советского правительства, нет полной уверенности в том, что их отдельные мероприятия в Южном Вьетнаме будут правильно поняты соцстранами, в том числе Советским Союзом, для которых, как

считают друзья, южновьетнамская проблема и объединение страны скорее выступают только как международные проблемы»³¹.

Из этого текста следует, что в советском посольстве прекрасно видели и совершенно верно оценивали препятствия на пути укрепления взаимных связей и не боялись эту тему поднимать, несмотря на высокую вероятность того, что глава советских коммунистов мог довольно жестко одернуть посольских аналитиков, увидев в их словах обвинения в свой адрес. Ключевым вопросом в отношениях двух стран, о чем, собственно, они и пишут, являлось разное понимание того, что происходило на Юге Вьетнама. Для вьетнамского руководства борьба на Юге выступала в первую очередь как основной вопрос внутренней политики, решение задачи по объединению страны под их контролем, а для Н.С. Хрущева то же самое — вопрос внешней политики, учитывающий глобальное позиционирование СССР в мире и влияющий на глобальную расстановку сил и отношения с США. Различие позиций очевидно, и это постоянно воспроизводило взаимный конфликт, вело к взаимному недоверию руководства двух стран.

Кстати, политическое письмо структурно выстроено просто безукоризненно и явно с учетом предпочтений потенциальных московских читателей. Сразу же после критического отрывка следует не попытка более глубокого анализа, а информация, которая в некотором смысле даже ему противоречит, но по мысли авторов должна была бы понравиться Н.С. Хрущеву. Авторы указывают на правильность выводов отдела ЮВА МИД СССР, который в своем заключении на другое политическое письмо посольства «Обострение внутривнутриполитической обстановки в Южном Вьетнаме» отмечал, что «было бы неправильно истолковывать отдельные вооруженные выступления патриотических сил как "переход к активной вооруженной борьбе на Юге" и тем более как "стремление друзей осуществить политику объединения Вьетнама вооруженным путем"»³². Это действительно соответствовало лишь отчасти, но было именно то, что так хотел услышать Н.С. Хрущев.

На основе анализа этого документа можно сделать вполне определенный вывод о том, что советские представители во Вьетнаме даже в секретных материалах вынуждены были несколько приукрашивать объективную реальность с учетом позиции Центра: с одной стороны, старались ее воспроизвести и подтолкнуть Кремль к решению проблем во взаимных отношениях, но с другой — зная о позиции советского лидера, старались дать ему такие сведения, которые были бы ему приятны, даже при том, что они лишь частично соответствовали действительности. Скорее всего, и в посольстве, и в Отделе ЮВА МИД, и в

отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран во главе с Ю.В. Андроповым распространено было общее, довольно критичное мнение относительно политики Н.С. Хрущева в отношении ДРВ; была общая симпатия к вьетнамскому делу и общее желание доказать лояльность ПТВ руководству КПСС, сохранить Вьетнам в обойме близких советских друзей³³.

Судя по всему, такая общая стратегия воздействия на Н.С. Хрущева с тем, чтобы он внес изменения в свою политику в отношении ДРВ и активизировал контакты с руководством ПТВ, постепенно приносила определенные результаты. Свидетельством этого стало то, что после длительного размышления советский лидер все-таки решил ответить на ключевое послание вьетнамского руководства, которое мы рассмотрели выше.

В сентябре 1962 г. Н.С. Хрущев, оценив все «за» и «против», пришел к выводу, что при всем недоверии и претензиях к политике руководства ПТВ помощь ДРВ оказать надо, и сделать это надо обязательно. Он несколько месяцев раздумывал, отвечать ли ему вьетнамским друзьям, и решил, что стоит это сделать, так как он понимал, что находится в коридоре возможностей во вьетнамском вопросе и ему проще было оказать помощь Вьетнаму, чем столкнуться с ворохом проблем, если этого он не сделает. Как ни удивительно, но у всемогущего Н.С. Хрущева не было иного выбора, как помогать Вьетнаму, несмотря на очевидное нежелание, так как он обязан был постоянно доказывать, что СССР, несмотря на обвинения китайских, албанских и многих других коммунистов в ревизионизме и соглашательстве с империалистами, продолжает оставаться главной опорой борьбы народов за национальное освобождение и против американского империализма.

В связи с этим он и сделал важный шаг навстречу вьетнамским товарищам: в сентябре 1962 г. с ними было подписано соглашение, согласно которому СССР предоставил Демократической Республике Вьетнам кредит в сумме 10 млн руб., оказал технико-экономическую помощь в строительстве и расширении ряда промышленных предприятий и объектов, в поставке тракторов и сельскохозяйственных машин, топлива, минеральных удобрений и хлопка³⁴.

О том, что Н.С. Хрущев был вынужден предоставить эту помощь, говорит и тот факт, что он направил ее в ДРВ в тот момент, когда во вьетнамской партийной печати стали открыто критиковать политику КПСС, указывая на то, что именно она привела к разрыву отношений с албанскими коммунистами и с КПК и привела к расколу в коммунистическом движении. До этого такой критики Москвы во вьетнамской

партийной печати никогда не было. Причина публикации всех этих обвинений заключалась, скорее всего, в том, что, не получив быстрого ответа на свое письмо, руководство ПТВ пришло к выводу, что их вопрос в Кремле был решен отрицательно, и отреагировало на это очень эмоционально. Отношения двух стран оказались на грани разрыва, но в последний момент помощь была предоставлена, и в результате окончательного разрыва связей Москвы с Ханое не произошло, хотя, несомненно, китайские товарищи, которые были крайне радикально настроены в это время, всячески бы это приветствовали.

Так, например, в мае 1963 г., находясь с визитом в Ханое, Лю Шаоци указал на то, что борьба марксистов-ленинцев (китайцев) против ревизионистов (русских) «не мешает людям во всем мире сражаться за дело революции»³⁵. Он также заявил руководству ПТВ, что «мы стоим на вашей стороне, и, если война наступит, вы можете расценивать Китай как ваш тыл». Кроме того, он дал обещание помощи борьбе южновьетнамских партизан против режима Дьема³⁶.

На фоне таких решительных и вполне однозначных заявлений одного из высших руководителей Китая и на волне очевидной поддержки со стороны КПК расширения вооруженной борьбы на Юге риторика руководителей ПТВ с критикой действий Москвы, несмотря на предоставленную со стороны СССР в сентябре 1962 г. экономическую помощь, не только не прекратилась, но и оставалась достаточно радикальной. Можно предположить, что разочарование в Ханое мог вызвать масштаб советской помощи: 10 млн руб. плюс техническая помощь на ряде предприятий³⁷ — это было совсем не то, на что они, скорее всего, рассчитывали. Напомню: в 1960 г. правительством СССР была выделена ссуда в 350 млн руб. На этом фоне 10 млн руб. было почти ничего. И в Ханое это прекрасно понимали, поэтому такие «подачки» не улучшали, а только ухудшали отношения двух партий и стран.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 15.01.2026;
одобрена после рецензирования 30.01.2026;
принята к публикации 30.01.2026.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. MOSYAKOV, DSc (History) Professor, Senior Researcher, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 15.01.2026;
approved 30.01.2026;
accepted to publication 30.01.2026.

- ¹ Стыкалин А.С. Никита Сергеевич Хрущев: жизнь и эпоха. М.: Олма Медиа Групп, 2011. С. 89–101.
- ² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 441. Л. 63–76.
- ³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 441. Л. 63–76.
- ⁴ Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. Москва : Мысль, 1975. С. 218.
- ⁵ Лунёв С.И. История стран Азии и Африки после II мировой войны. Москва, Юрайт, 2016. С. 206.
- ⁶ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 441. Л. 77–79
- ⁷ Конева И.В. США и Вьетнам: уроки истории. М., 2002. С. 204–213.
- ⁸ Локшин Г.М. 40 лет победы вьетнамского народа // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Выпуск XXVI. № 26. С. 141.
- ⁹ Переписка между Черчиллем и Эйзенхауэром: 1953–1955. С. 137–140. URL: <https://www.amazon.com/Churchill-Eisenhower-Correspondence-1953-1955-Peter-Boyle/dp/0807819107>
- ¹⁰ Щедров И.М. Южный Вьетнам сегодня. Издательство восточной литературы, 1962. С. 99.
- ¹¹ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 111–124
- ¹² Ле Зуан. Письма на Юг. Политиздат. 1987. С. 21–22.
- ¹³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 444. Л. 171–176
- ¹⁴ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 111–124
- ¹⁵ Gaiduk I. The United States, the Soviet Union, and the Vietnam War. 2003. P. 117.
- ¹⁶ Зусмановичи Д.Д. Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг. «Алгоритм», 2016. С. 34.
- ¹⁷ Gaiduk I. The United States, the Soviet Union, and the Vietnam War. 2003. P. 117.
- ¹⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 436. Л. 171–176
- ¹⁹ Зусмановичи Д.Д. Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг. «Алгоритм», 2016. С. 34.
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 17. П. 36. Д. 16. Л. 29–50.
- ²¹ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 17. П. 36. Д. 16. Л. 29–50.
- ²² АВП РФ. Ф. 079. Оп. 17. П. 36. Д. 16. Л. 29–50.
- ²³ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 111–124.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 079. Оп. 17. П. 36. Д. 16. Л. 29–50.
- ²⁵ РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 111–124.
- ²⁶ Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Книга 2. 2016. С. 32.
- ²⁷ Хрущев Н.С. Время, люди, власть. Книга 2. С. 32.
- ²⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ²⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ³⁰ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ³¹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ³² РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ³³ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 540. Л. 113–132
- ³⁴ Егоров, А.Г. Интернациональное сотрудничество КПСС и КПВ: история и современность / А.Г. Егоров, Винь Нгуен. – М., 1987. С. 221.
- ³⁵ Davidson P. Vietnam at War: The History. 2002. P. 312.
- ³⁶ Gaiduk I. V. Confronting Vietnam: Soviet policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif, 2003. P. 200.
- ³⁷ Тихонов П.Г. Взаимоотношения СССР, КНР и ДРВ в первой половине 60-х годов XX века. М.: ИД ВШЭ, 2008.